

В тот момент, когда я увидела ресторан собственными глазами, я решила, что буду использовать детектор яда на всём, даже на том, на чём мне придётся сидеть. Не потому что я считала, будто Лунг захочет меня отравить, а потому что я подозревала, что владельцы подкупали инспекторов от санэпидемстанции в течение многих лет.

Краска на стенах облупилась, а решётки на окнах покрылись таким слоем ржавчины, что я заподозрила, что любой, кто попытается проникнуть внутрь, скончается от столбняка быстрее, чем успеет пролезть в окна. Ржавчины было так много, что она стекала по стене, смешиваясь с серо-белой краской.

Ни одно из других зданий на этой улице нельзя было назвать прилично выглядящим. Все они выглядели теми ещё притонами, но этот ресторан выглядел хуже их всех.

Может быть, если бы я не зарабатывала на арт-проектах последние несколько лет и мой бюджет на питания был бы гораздо меньше, я бы не обратила на внешний вид ресторана внимание. И тем не менее, эта дыра сделала себе имя в злых кругах.

Я закрыла глаза и проверила помещение. Внутри было всего три человека. Ни один из них не был достаточно большим, чтобы оказаться Лунгом. Ни у кого из них не было оружия, металлических бомб или необычных устройств, которые я могла бы обнаружить.

Конечно же я приехала заранее. Как только закончились занятия в школе, я рванула сюда; приехать на место встречи заранее больше, чем за час, было всего лишь благоразумным решением, учитывая тот факт, что здесь вполне могла бы оказаться засада. Если бы я действительно её обнаружила, я бы заставила Лунга и АПП пожалеть о том, что они вообще на свет родились.

А учитывая то, что Лунг мог регенерировать, мне бы даже не пришлось сдерживаться, хотя последнее, чего бы мне хотелось, так это Оружейник, отчитывающий меня за ещё большее количество отрубленных конечностей.

После того, как я вошла внутрь, моё впечатление об этом месте не улучшилось. Всё помещение было тусклым, грязным и угнетающим на вид. Тусклый жёлтый свет от старых мерцающих ламп делал это место ещё хуже, хотя я опасалась, что причина, по которой здесь не было более ярких ламп, состояла в том, что при хорошем освещении обстановка бы выглядела ещё ужаснее.

Что бы сказал мне отец об этом месте? Он мог бы сказать, действительно ли стены здесь на 50 процентов состоят из тараканов, или это просто так кажется. К счастью, его рядом не было, чтобы поделиться своим мнением на этот счёт.

Деревянный пол был старым и грязным, столешницы, такие же деревянные, по впечатлениям от него не отставали. Шторы и скатерти были тёмно-зелёными.

Что меня раздражало, так это то, что все эти недостатки можно было легко исправить; поставить лампочки поярче, положить новый слой краски взамен обшарпанной, закупить новые скатерти... потратив меньше двухсот долларов, они могли бы сделать это место похожим на настоящий ресторан, и с новым внешним видом дела бы у них пошли получше.

Конечно я понимала, что в этом-то и было дело. Если это место было выбрано для встреч злодеев, последнее, что хотели бы злодеи, увидеть здесь большую толпу народа. Может быть, вся эта обстановка была задумана так, чтобы отталкивать посетителей, и чтобы здесь никого не бывало, когда тут ведутся настоящие дела.

Но даже так, они могли закрываться в определённые дни и заниматься настоящим ресторанным бизнесом в остальное время. Я не была уверена в том, почему же это так сильно меня раздражало; возможно потому, что это заведение напоминало мне остальную часть города.

Люди действительно отказались от Броктон-Бей. Те люди, у которых была энергия и энтузиазм, давно покинули этот город, а единственными оставшимися здесь энергичными людьми были члены преступных группировок.

Я выросла, наблюдая граффити на стенах повсюду, даже в моей школе, и ни у кого не было желания их очистить. На улицах валялся мусор. Отчасти это было связано с тем, что город не получал дохода от утилизации мусора и у администрации просто не было средств на то, чтобы правильно его убирать, но также такая ситуация возникла потому, что люди перестали гордиться и следить за своими районами.

Я хотела это изменить, но не знала, как именно. У меня были огромные силы, но они ничего не меняли в сердцах и умах людей, а именно это мне и было нужно, если я собиралась внести в этот порядок существенные и реальные изменения.

— У меня нет никакого опыта в ремонтно-восстановительных работах, — признал дедушка.
— Мутантов редко оставляли в покое на достаточно долгий срок, чтобы они могли образовать своё поселение.

Может быть, их приняли лучше, если бы это было так.

Персонал находился в задней части дома. Мне было интересно, как они узнают о том, что пришёл клиент. Может быть, дверной звонок подавал световой импульс в рабочие помещения?

Я быстро проверила свою теорию — ответ был отрицательным.

Так что обслуживание здесь, по всей видимости, тоже было плохим. Это заставило меня задуматься над тем, не могло ли всё это быть своего рода прикрытием, например, для того же Протектората. В конце концов, разве СКП не хотели бы узнать, что злодеи здесь обсуждали?

А может, само это место принадлежало Выверту или Лунгу. Я не была уверена, стоит ли мне потратить один из драгоценных вопросов Дины для того, чтобы получить ответ на этот вопрос. Единственное, что мне оставалось, не принимать надуманные теории за чистую монету.

Прежде, чем официанты вышли в зал, я вернулась на улицу. Если нападение не собирались организовывать внутри здания, то оно, вероятно, могло начаться из одного из соседних зданий.

В течение следующего получаса я исследовала изнутри те здания, которые были открыты для посетителей. Только один раз мне пришлось быстро уйти, как только я поняла, что это было за заведение. Пока я прогуливалась, я развешивала по стенам домов небольшие предметы.

Стены этого магазина были заставлены журналами и видеозаписями вперемешку со странными игрушками. Я не была уверена, что хочу размышлять об их предназначении. Вывеска с надписью «21+», по-видимому, отвалилась, и всё это место пахло так странно, что я почувствовала отвращение.

Я и не подозревала, что такие места до сих пор существуют; я думала, что в наши дни все пользуются для этого интернетом.

Моё лицо горело от смущения по крайней мере ещё десяток минут после посещения этого места, поэтому я воспользовалась возможностью, чтобы проскользнуть в те здания, которые не были открыты для посетителей. Количество крыс и насекомых в этих зданиях ещё больше утверждало во мне уверенность в том, что я не хочу есть в ресторане, который расположен всего в нескольких домах отсюда.

Наконец, я снова оказалась в ресторане

Лунга ещё не было на месте. Он, безусловно, планировал прибыть сюда, по-светски запоздав — тонкий способ утвердить своё превосходство.

Я могла бы устроить что-то подобное, но не хотела.

Вернувшись в ресторан, я заняла столик. Я держала своё силовое поле поднятым; возможно, они планировали отравить меня газом или использовать какую-нибудь другую неметаллическую ловушку. У меня не было в планах позволить такому случиться.

Открыв ладонь, я позволила маленькому предмету плыть вверх до тех пор, пока тот не прилип к потолку. Он не выделялся; учитывая состояние потолка и освещение, он просто на просто сливался с фоном.

Я коснулась своих очков, и через мгновение перед моими глазами возникло несколько различных изображений.

Элит клялся и божился, что очки не взорвутся и не превратят моё лицо в месиво, но я не была в этом уверена. Изображения с нескольких крошечных дронов, которые я всё это время размещала, появились на сетчатке моих глаз. Дроны предупредили бы меня, если бы заметили движение, а движением глаз я могла активировать любой конкретный экран.

И сейчас это самое движение там появилось.

Лунг появился в конце квартала, за ним следовали Они Ли и та же троица, что приветствовала меня у башни.

Вообще-то он пришёл немного раньше, и меня это удивило. Я ожидала, что у него будет больше гордости.

— Ты начинаешь думать так же, как и я, — сказал дедушка.

То есть, как суперзлодей... это должно было быть комплиментом?

С кем Лунг планировал встретиться? С испуганной 15-летней девочкой или с монстром, которым видели меня некоторые люди?

Кого мне следует сыграть? Будут ли попытки запугивания его только бесить и нагнетать обстановку, или же он будет слишком покорным, чтобы воспользоваться ситуацией?

Я размышляла над этим вопросом всю ночь, и даже дедушка только и мог мне посоветовать, что положиться на случай. По-видимому, он недостаточно знал Лунга, чтобы дать какой-нибудь хороший совет.

Оглядевшись вокруг, я нахмурилась. К чёрту это место.

Дедушка сказал, что переговоры за едой считаются обычным явлением в Китае; но в этом месте не было такой еды, которую любой из нас мог бы согласиться съесть.

Встав из-за стола, я направилась наружу. Лунг был уже на полпути к ресторану. Он остановился, и вместе с ним остановился Они Ли.

Технически ни один из нас ещё не был на нейтральной территории, и я вполне могла напасть на него.

Я подлетела к нему поближе.

— Это место — отстойная дыра, — сказала я. — Может быть, ты знаешь какое-нибудь местечко, где не будет тараканов и оплётанной еды, и она даже будет вкусной?

— Такое место не будет нейтральной территорией, — мгновенно отреагировал он.

— Я сомневаюсь, что это будет иметь большое значение, если кто-то из нас решит нарушить нейтралитет, — заметила я. — Либо мы согласны на перемирие, либо нет.

Он нахмурился, а после кивнул.

— Мы могли бы пойти в ресторан моей бабушки, — высказался подросток. — Она открывается в шесть, но еду нужно готовить раньше открытия.

— Еда там хорошая, и это всего в нескольких кварталах отсюда, — признал Лунг. Он посмотрел на меня. — Ты согласишься в то, что это не ловушка?

— Империя потерпела поражение меньше, чем за три минуты, — напомнила я. — Если это ловушка, я позабочусь о том, чтобы вы и ваши люди разделили с ними такой же конец.

Надеюсь, это прозвучало более уверенно, чем я себя чувствовала. В конце концов, это же был Лунг, главное пугало Броктон-Бей. Я заставляла СКП и Протекторат сдерживать свои силы только несколько дней, а он занимался этим уже много лет.

Он снова посмотрел на меня, и затем кивнул.

— Займи нам столик на шестерых. В глубине зала. Приватно.

Молодой парень начал звонить.

— Мы можем прогуляться и поговорить, — предложила я.

Я осторожно открепила камеры с тех мест, где их оставила, левитируя их вне поля нашего зрения. Если придёт кто-то, кто хочет напасть, я узнаю об этом задолго до того, как это произойдёт.

— Мы договаривались не об этом, — начал он. — Если ты так непостоянна сейчас, откуда мне знать, что ты будешь соблюдать любые соглашения, которые заключишь в будущем?

— Это ты предложил встретиться здесь, — ответила я. — И мы это сделали. Никто не говорил, что мы должны там оставаться.

— Любое место, которое я предложу, будет казаться тебе подозрительным, — отбил он.

Больше минуты мы шли молча. Дедушка предупреждал меня, что такое может случиться. Люди неудобно чувствовали себя в тишине, и они чувствовали потребность заполнить её чем-то, чем угодно, и это можно было использовать, так как указывало на твою слабость.

И всё же, несмотря на это, я заговорила первой.

— Ты совсем не такой, как я ожидала, — заметила я.

— А чего ты ожидала? — спросил он, повернув голову, чтобы посмотреть на меня. Ростом он был чуть выше шести футов (6 футов = 182,88 см, прим. пер.), не носил рубашку, а единственной уступкой неписаному кодексу кейпов была металлическая маска.

Я зауважала его ещё больше за то, что он и не подумал сменить маску на какую-нибудь другую.

— Кого-то, кто не будет прислушиваться к 15-летней девушке, — ответила я. — Всё-таки учитывая то, как ваши люди относятся к женщинам, я не ожидала большого уважения.

— Сила — это всё, что имеет значение, — рыкнул он. Отвернувшись, он широко обвёл рукой улицы города. — Разве был бы этот город таким, будь у его жителей хоть какие-нибудь способности?

Подумав об этом, я покачала головой.

— Те, кто обладает силой, способны заставить реку огигать их или даже изменить её течение. Те же, у кого силы нет, попав в поток, будут бессильны против течения, не в силах изменить свою судьбу.

— Полагаю, ты из тех, кто заставляет реку течь вокруг тебя, — подвела я итог. Он расправил плечи. — Разве ты не хочешь лучшей судьбы для своего народа, для этого города? — задала я вопрос. — Город умирает. А через 20 лет останутся ли вообще города, которыми ты мог бы управлять?

— Ты ошибаешься, — ответил он. — Не город умирает. Мир.

Я покачала головой, хотя и вспомнила небрежно брошенное Диной предсказание, которое она однажды сделала, и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Тогда почему бы не сделать что-нибудь с этим? — снова спросила я. — Этот мир такой же твой, как и других людей. И если твой мир умирает, то и ты тоже умрёшь вместе с ним.

— Вы пытаетесь уговорить Лунга стать героем? — недоверчиво спросил Ву. Он уже закончил разговор по телефону и вместе с остальными шёл за мной. Они Ли исчез; теперь он телепортировался по крышам домов, что затрудняло сокрытие камер.

Прежде, чем Лунг успел выдать ему пощёчину, я сказала:

— А почему бы и нет? Он только что сказал, что сила — это всё, что имеет значение. И он является одним из тех немногих людей, у которых есть достаточно сил, чтобы изменить ситуацию. Так почему бы ему не быть героем?

— Я не герой, — сказал Лунг. — Герои это ложь, которую слабые придумывают, чтобы утешить себя, когда монстры стоят у них под дверьми.

— Тогда будь тем чудовищем, что защищает слабых, — продолжала я. — Волкодавом, который защищает стадо.

На это он только хмыкнул, но ничего не сказал.

Дедушка нашептал мне на ухо одну интересную мысль.

— Я слышала, что сравнение с драконом в Китае — это признак того, что кого-то уважают и считают человеком, достигшим великих вершин. Тот же, кому недостаёт достижений и способностей, считается червём, крысой или же каким-нибудь другим низшим животным.

Он с нетерпением на меня посмотрел. С учётом того, как он себя называл, можно было понять, кем он себя считает.

— Каким же ты хочешь запомниться в мире, который не умрёт? — спросила я. — Потому что я сделаю всё возможное, чтобы этого не случилось.

— Что ты хочешь за перемирие? — коротко спросил он.

Видимо, такова была японская и китайская вежливость... Я вдруг осознала, что на самом деле не знаю, к кому этнически принадлежит Лунг... не обращала внимания на то, как он реагирует на то, что я говорю.

— Я могу понять проституцию, — сказала я. — Мне это не нравится, и я не думаю, что такой выбор можно сделать просто так, без какой-либо формы принуждения, будь в этом замешана денежная составляющая или что-то эмоциональное. Но всё-таки я осознаю, что она не исчезнет, и что в таком случае всегда будут люди, которые пытаются это контролировать.

Он не говорил со мной, но я видела, что он смотрит на меня. Из-за маски я не могла сказать, о чём он думал.

— С чем я не согласна, так это с сексуальным рабством, — продолжала я. — Похищать девушек и женщин — неправильно; в каком-то смысле это делает тебя таким же плохим или ещё хуже, чем была Империя.

— Мне плевать на азартные игры, — говорила я. — Люди ездят в Атлантик-Сити, и это совершенно законно, так почему бы такому не быть и здесь? С другой стороны, сбор денег за защиту — это мне не нравится.

— Так значит, ты просишь нас уничтожить некоторые из наших самых прибыльных предприятий, — подытожил он. — А что мы получим взамен?

— Почтение, — ответила я. — Я преподнесла тебе половину города на блюдечке. Я могла бы сделать с вами то же самое, что сделала с Империей, и скорее всего для меня это было бы даже проще, потому что у тебя только два кейпа против более десятка имперских. Но с подконтрольной половиной города тебе не нужно будет делать женщин рабынями. У тебя и без того будет полно дел, которыми нужно будет занимать своих людей.

— Ты думаешь, мы легко согласимся на такие условия? — с раздражением сказал он.

— Ты превращаешься в дракона, покрытого металлической чешуёй, — мягко напомнила я. — Я видела, как на ебэй продавались части твоего тела. Против такого противника, как я, у тебя будет не больше шансов, чем у Кайзера... если предполагать, что я желаю твоей смерти.

Он долго молчал, прежде чем снова заговорить.

— А ты не желаешь?

— Я думаю, ты позволил себе поверить, что реку нельзя сдвинуть с места и достаточно просто стоять на месте, чтобы показать всему миру свою силу. Но камень, который стоит на месте, в конце концов будет медленно разрушаться.

Я продолжала отстаивать свою точку зрения.

— Вы будете захватывать районы, в которых в основном проживают белые. Азиаты добровольно принимают определённые вещи по причинам того, что это является частью их культуры, но белые никогда не смогут принять этих вещей. Вы будете тратить время на борьбу с недовольством и принуждать людей подчиняться, на что СКП придётся отреагировать, ведь будут поступать жалобы от обычных гражданских, и они будут вмешиваться с ваши дела.

— И какое ты предлагаешь решение?

— Стань для этих людей героем, — сказала я. — Измени факты. Прямо сейчас все думают, что вы либо головорезы, либо шпана, жестокие люди, которые скорее застрелят кого-то, чем посмотрят как на равного.

— Некоторые из нас действительно таковы, — подтвердил он.

Я не была уверена, причислял он себя к этой категории или нет.

— У тебя явно есть силы Умника; другие азиаты довольствуются тем, что они просто китайцы, японцы, корейцы или вьетнамцы. Ты же взял все эти группы и спаял их вместе в силу, с которой приходится считаться. Теперь пришло время прекратить быть этнической группой и стать организацией, которая принимает людей всех рас. В противном случае у тебя не будет хватать людей, чтобы контролировать весь город, и потом, новые группировки захотят переехать сюда, если решат, что ты пытаешься отхватить слишком большой кусок пирога.

— Это только вопрос времени, когда другие банды попытаются закрепиться в городе, — продолжала я. — Мясник со своей бандой уже здесь, остальные наверняка последуют за ней. Если ты продолжишь жить по-старому, то тебе всё время придётся сражаться. Но если люди будут рады видеть тебя своим защитником, другим бандам будет сложнее здесь закрепиться.

— Рады? — спросил он. — А почему овцы должны радоваться, увидев волка на своём пороге?

— Потому что волк защищает их от полчищ монстров из тени, — ответила я.

Мы приближались к упомянутому ресторану. Это место выглядело намного лучше, и запахи еды, просачивавшиеся изнутри, тоже были привлекательными. Я не обнаружила никого с оружием внутри, мои камеры также не зафиксировали никаких подозрительных движений.

— Я не согласен ни с чем из этого, — сказал Лунг. — Но я хочу поговорить с тобой. Ты объединишься со мной против СКП?

— Мне они не нравятся, — признала я. — Но я стараюсь не быть преступником. И всё-таки, как ты думаешь, как твоё превращение в народного героя повлияет на моральный дух Протектората?

Он усмехнулся. Это был первый намёк на то, что ему хоть сколько-то было было интересно моё предложение.

— Еда здесь хорошая, — сказал он. — Надеюсь, что компания будет ещё лучше.

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687982>